

УДК 80

Е. В. Крехтунова

*кандидат филологических наук, библиотекарь
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия*

Е. И. Замотина

*кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия*

**ВЛИЯНИЕ БАЙРОНИЧЕСКИХ МОТИВОВ НА РУССКУЮ
ЛИТЕРАТУРУ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ОРИГИНАЛЬНОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА РУССКОГО
ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА Д.Л.МИХАЛОВСКОГО**

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ байронических мотивов в оригинальном поэтическом творчестве русского поэта и переводчика XIX века Дмитрия Лаврентьевича Михаловского. Авторами отмечается факт несомненного влияния байроновских произведений на русскую литературу XIX века, а также возникновения такого явления в литературе как «русский байронизм». Рассмотрены особенности восприятия и заимствования в оригинальном поэтическом творчестве русского поэта-переводчика не только байронических образов, мотивов и художественных деталей, но и оригинальной поэтической структуры некоторых произведений (в частности «Тьма» Дж.-Г. Байрона). В результате проведенного исследования делается вывод, что подобное влияние было обусловлено веяниями общественно-политической и литературной жизни России второй половины XIX века, характеризовавшейся в целом пессимистическими настроениями тоски и безысходности.

Ключевые слова: Д.Л. Михаловский, байронические мотивы, оригинальная поэзия, Дж.-Г. Байрон, настроение эпохи.

E. V. Krekhtunova

*Candidate of philological sciences, librarian
Penza State University, Penza, Russia*

E. I. Zamotina

*Candidate of philological sciences, associate professor
department of English Language, Penza State University, Penza, Russia*

**THE INFLUENCE OF BYRONIC MOTIFS ON THE
RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY BY THE
EXAMPLE OF THE ORIGINAL POETICAL WORKS BY
D.L.MIKHALOVSKIY**

Abstract. The article presents the analysis of Byronic motifs in the original poetical works by Russian poet and interpreter of the 19th century Dmitriy Lavrentevich Mikhalovskiy. The

authors note the obvious influence of the Byronic motifs on the Russian literature of the 19th century and the appearance of such a phenomenon as «Russian Byronism» in Russian literature. The article examines the peculiarities of perception and adoption of Byronic images, motifs and literary details as well as the original poetical structure of some poems (especially «Darkness» by D.-G. Byron) in the original poetical works by Russian poet and interpreter. The result of the research shows that such influence was caused by tendencies of social, political and literary life in Russia in the second half of the 19th century, defined by pessimistic attitudes of weariness and despair.

Key words: D.L. Mikhailovskiy, Byronic motifs, original poetical works, D.-G. Byron, time frame.

Данная статья находится в русле актуальных исследований, поскольку проблема переводных произведений последней трети XIX века и их влияния на русскую литературу на сегодняшний день не получила своего окончательного решения. Ведущей областью русской культуры XIX века была литература, и сегодня она рассматривается как явление уникальное, не только в плане таких имен, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, но скорее в многообразии малоизвестных имен поэтов, драматургов, прозаиков и, конечно, переводчиков, открывших мир зарубежной литературы русскому читателю, оказавшей несомненное воздействие на русскую культуру того времени. Подобное явление в русской литературе породило множество исследований как переводного, так и оригинального творчества целого ряда русских поэтов-переводчиков XIX в. Однако малоизученным остается вопрос влияния западной литературы на русскую литературу XIX века.

Проблемы, связанные с творчеством русских поэтов переводчиков XIX века, интегрированием переводных произведений, в частности английских авторов, в русскую литературу XIX века, рассматриваются в исследованиях М.П. Алексеева [1], Ю.Д. Левина [2], Д.Н. Жаткина [3], Ю.В. Люсовой [4], Е.В. Толстогузовой [5], Н.П. Михальской [6].

Цель данной статьи является анализ заимствования байроновских мотивов и образов на примере оригинального поэтического творчества русского поэта переводчика второй половины XIX века Д.Л. Михаловского.

Размах творчества Дж.-Г. Байрона, его соответствие запросам эпохи, склонной к пессимистической оценке жизни, и эстетическая ценность его поэзии во многом обусловили значительную популярность байроновского наследия в России на

протяжении всего XIX в., привели к расцвету такого явления как «русский байронизм», нашедшего множество проявлений с учетом индивидуально-авторских особенностей и различий. «Явление байронизма (увлечение творчеством Байрона, созданными им художественными образами; стремление осваивать поэтическое новаторство английского романтика, а также интерес к его биографии и особенностям характера) было многоплановым потому, что каждый художник мог выбрать из наследия поэта черты, соответствующие собственному творческому кредо» [4].

Так, В.П. Давыдов характеризовал Байрона как «мрачного, но увлекательного поэта, который не исключил из сердца, как Платон, все, что мешает жить приятно, для того, чтоб оставить одно чистое наслаждение и найти «самую высокую гармонию», но употреблял гармонию, чтоб растрогать сердца описанием всех без исключения страстей человеческих» [1].

По словам Ю.В. Люсовой, «В России имя Дж.-Г. Байрона впервые звучит на страницах «Русского музеума» в 1815 г. С этого начинается диалог русской воспринимающей среды с английским поэтом» [4]. Более тесное знакомство с поэзией Байрона в России относится к 1819 г., когда ею заинтересовались В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, а вслед за ними и другие литераторы пушкинской эпохи, такие как К.Н. Батюшков, С.С. Уваров, А.И. Тургенев, И.И. Козлов [2]. Позднее байроновские мотивы социального и политического протеста, пессимизма, свободы оказались близки многим русским поэтам второй половины XIX в. В частности, их привлекали изящество иронии, живость красок, субъективная меланхолия, личная разочарованность, мрачный протест против сложившегося порядка вещей. Д.Л. Михаловский в этом плане не был исключением, что, в частности, подтвердил его литературный дебют в качестве переводчика байроновского «Мазепы».

Оригинальное поэтическое творчество занимало довольно скромное место в литературном наследии Михаловского, который и сам признавал его «незначительность» [2] в предисловии к двухтомному изданию своих произведений «Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского», опубликованному в 1896 г. и преимущественно состоявшему из переводов. Свои оригинальные произведения Михаловский решился печатать спустя почти двадцать лет после литературного дебюта. Его ранняя поэзия стала отражением гражданской лирики, близкой творчеству Н.А. Некрасова, однако такие настроения эпохи, как безвременье, безысходность, горькое понимание бесплодности прожитой жизни, тоска ночных кошмаров и

мрачные думы, характерных для 80-90-х годов XIX в. стали преобладать в его оригинальном поэтическом творчестве. Эти настроения усилились на рубеже веков, когда поэт, оглядываясь на прожитую жизнь, с печалью осознал близость конца. Именно в этот период Михаловский приступил к активному переводу байроновской лирики, в частности, осмыслил такие произведения как «Darkness» («Тьма») [7, с. 138-139], художественный цикл «Еврейские мелодии» [8, 9, 10], «On this day I complete my thirty-sixth year...» («В этот день мне исполнилось тридцать шесть лет...») [11, с. 309-310]. Влияние Байрона на оригинальное творчество позднего Михаловского особенно заметно в строфике, стилистике, воссоздании отдельных художественных образов.

Михаловский, чье имя было полностью забыто в конце его творческого пути, утверждал мысль о прозаичности человеческого существования, в котором нет места тем, кто прав и кто велик душой. В стихотворении «Когда ты хочешь трезвым взглядом...» (1896) он, в духе поэтики Байрона, подчеркивал резкую конфликтность окружающего мира: «Не создавай себе обманов, / Не представляй в уме своем / Эффектной битвой двух титанов / Борьбу добра с могучим злом. / Увы! Великие душою / Встречают тысячи преград, / Их путь покрыт глубокой тьмою, / Их сердца скорбью пепелят» [12]. Мотив безысходности, отчаяния, окончательного и предопределенного итога жизни был основным в байроновском стихотворении «Тьма», где надежда постепенно утрачивается и в итоге полностью исчезает. Данный мотив был повторен Михаловским, утверждавшим, что правда – редкий гость в этом мире, однако, в отличие от английского поэта, использовавшим метафорические образы и сравнения: «Она порою лишь мелькает, / Ее так редко видим мы, / Она блестит и исчезает / Как луч минутный в бездне тьмы, / Как в тучах светлые полосы, / Как отраженье звезд в волне, / Как фосфорические блести / На черной моря глубине» [12].

Особенно отчетливо стилистика великого английского предшественника, в частности, постепенное погружение во мрак, мотив пессимизма, характерные для байроновской «Тьмы», проявляется в стихотворении Михаловского «Кошмар» (1896) [12], где риторические вопросы, параллельные синтаксические конструкции, неоконченность и отрывистость структуры стиха, синонимичный ряд, схожий с байроновским (ср. «torture» («пытка»), «anguish» («мука»), «pangs» («страдания»), «agony» («агония»), «suffer» («страдать») – «мрак», «бездна», «бессилье», «палач», «тьма», «безнадежна»), привносят в русский текст характерный байроновский драматизм: «Вправду ль сон? Только бездна кру-

гом, / Только я шевельнуться не смею / И в глубоком бессильи
моем / Цепенею... / О тоска, беспощадный палач! / То твои по-
хоронные звуки, / То твои похоронные звуки, / Твоя тьма, твоя
бездна, твой плач. / Твои муки. / И куда мне уйти от них прочь?
/ Света нет, пропасть мрака безбрежна, – / И меня охватившая
ночь / Безнадежна...» [12].

Порой творчество Байрона производило на Д.Л. Михаловского неизгладимое впечатление, в частности так называемое произведение «Последнее стихотворение Байрона» [12], призывающее не сдаваться, бороться за свои идеалы и не унывать, сподвигло русского переводчика на создание оригинального произведения «Что ты волнуешься, метешься...». Неутомимая вера не покидает лирического героя Михаловского, представившего характерный образ борца при помощи противопоставления, отрывистых и ритмичных синтаксических конструкций: «Тот путь тяжел; но средь страданья / Я головы не преклоню: / Опора мне – воспоминанья, / Что я в душе своей храню. / Как солнца свет, как звезды ночи, / Они сияют мне во тьме, Слезами наполняют очи / И будят мысль в моем уме. / Их благодатное сиянье / Отраду, бодрость в душу льет, / Внушая сердцу упованье. / Что в мире правда не умрет» [12].

Один из сквозных мотивов русской поэзии, связанный с Байроном, – мотив моря, океана. Для Байрона это и самостоятельная тема, и обстановка, фон, вдохновляющий лирического героя. Обращение к переводу первой песни «Чайльд-Гарольда» совпало с созданием оригинального произведения («На берегу моря», 1896), непосредственно связанного с морем и совместившего традиционные мотивы душевных метаний и неизменно появляющейся надежды, соотнесенной с душевным состоянием героя. Спокойствие и безмятежность моря настраивают лирического героя Михаловского на размышления («Но челнок далёко, море так глубоко, / С веслами не слажу, править не умею, / Берег так пустынен, к дому путь мой длинен... / И лежу один я с думою своею» [12]), на борьбу с собственным унынием и апатией, при этом, однако, подчеркивается и коварство моря. Русский переводчик использует характерные для лирики Байрона метафорические образы «белого паруса» и «коварных» волн: «Чтобы небо это, солнце с блеском света / В глубину больного сердца проникали; / Чтоб оно готово было к битве снова, / С силами собравшись, только что проснется, – / Как тот парус белый, что с надеждой смелой / По волнам коварным весело несется» [12].

В своем творчестве Д.Л. Михаловский довольно редко обращался к любовной лирике, выдвигая на первый план своего оригинального творчества гражданские порывы и устремления в начале своей карьеры, и образы безысходности, мрачности в более поздние годы. Элегический цикл «К Тирзе» стоит особняком в переводческих работах Михаловского, сочетая в себе любовную лирику с душевными страданиями байроновского героя, где возлюбленная обвинена в том, что ее нет рядом с возлюбленным. В своем стихотворении «Думы и грезы» (1896) русский поэт в целом позаимствовал образную структуру произведения Байрона, представив колоритный образ светлых воспоминаний, помогающих выжить и сохранить надежду на то, что правда не оставит этот безнравственный мир. Характерное для байроновской лирики противоречие ощутимо не только в системе художественных образов произведения Михаловского, но и в использовании мотивов упорства и тоски: «Все не хочет расстаться оно / С тем, что разум безумной химерою / И мечтою назвал уж давно / <...> / Но упорно с тоскливым желанием, / Возвращается сердце не раз / К этим грезам, что с чудным сиянием / На минуту наполнили нас...» [12]. Здесь Михаловский позаимствовал острый байронический контраст несовместимых начал, тем самым раскрыв метания человеческой души, надежду на возврат не столько веры, сколько успокоения.

Можно сделать вывод, что, несмотря на распространенность в русской поэзии мотивов моря, мрачности, уныния, светлой памяти и успокоения, можно с уверенностью сказать о влиянии на Михаловского байроновских образов и героев, на что указывает схожесть синтаксических конструкций, художественных деталей и стилистических приемов. Подобное влияние, отчетливо проявившееся на заключительном этапе творчества русского поэта, было во многом обусловлено его поздними переводами из Байрона, а также общим усилением негативных настроений, в условиях постепенного освобождения от иллюзий, связанных с общественными реформами 1860-х – 1870-х гг.

Библиографический список

1. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века). – М., Наука, 1982. – 896 с.
2. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985. – 300 с.
3. Жаткин Д.Н. Творчество А.А. Дельвига в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей XIX века. Монография – М.: Флинта; Наука, 2008. – 127 с.

4. Люсова Ю.В. Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810-х – 1830-х годов: Автореф. дис. на соик. уч. ст. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 214 с.

5. Толстогузова Е.В. Байроническая модификация элегии в русской поэзии первой половины XIX века: Автореф. дис. на соик. уч. ст. канд. филол. наук. – Биробиджан, 2011. – 204 с.

6. Михальская Н.П. О восприятии и изучении английской литературы в России // Литература Великобритании в европейском культурном контексте: X Ежегодная международная научная конференция российской ассоциации преподавателей английской литературы. – Нижний Новгород, 2000. – 29 с.

7. Байрон Дж.-Г. Тьма / Пер. Д.Л. Михаловского // Русская мысль. – 1887 – Т. 1. – 403 с.

8. Михаловский Д.Л. Солнце неспящих // Наше время. – 1893. – №10 (март). – С. 104.

9. Михаловский Д.Л. Саул, из Байрона // Модный магазин. – 1864. – №7. – С. 103.

10. Михаловский Д.Л. Поражение Сеннахерима // Еженедельное иллюстрированное приложение к «Сыну отечества». – 1894. – №8 (февр.). – С. 23.

11. Байрон Дж.-Г. Последнее стихотворение Байрона / Пер. Д.Л. Михаловского // Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского: В 2 т. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1896. – Т. 1. – 567 с.

12. Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского: В 2 т. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1896. – Т. 2. – 418 с.

References

1. Alekseev M.P. *Russko-angliiskie literaturnye sviazi (XVII vek – pervaiia polovina XIX veka)* [Russian and English literary connections (17th century – the first half of the 19th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 896 p.

2. Levin Iu.D. *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and development of the literary translation]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 300 p.

3. Zhatkin D.N. *Tvorchestvo A.A. Del'viga v kontekste russko-nemetskiikh literaturnykh i istoriko-kul'turnykh sviazei XIX veka*. Monografiya [Literary works of A.A. Delvig in the context of Russian-German literary and historical and cultural connections of the 19th century]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2008, 127 p.

4. Liusova Iu.V. *Retseptsiia D.G. Bairona v Rossii 1810-kh – 1830-kh godov: Avtoref. dis. na soik. uch. st. kand. filol. nauk.* [Reception of G.G. Byron in Russia in 1810 – 1830: Cand. phil. sci. diss. abstract]. Nizhny Novgorod, 2006, 214 p.

5. Tolstoguzova E.V. *Baironicheskaia modifikatsiia elegii v russkoi poezii pervoi poloviny XIX veka*: Avtoref. dis. na soik. uch. st. kand. filol. nauk [Byronical modification of elegies in Russian poetry of the first half of the 19th century: Cand. phil. sci. diss. abstract]. Birobidzhan, 2011, 204 p.

6. Mikhal'skaia N.P. O vospriatii i izuchenii angliiskoi literatury v Rossii [About adoption and study of English literature in Russia]. *Literatura Velikobritanii v evropeiskom kul'-turnom kontekste: X Ezhegodnaia mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia rossiiskoi assotsiatsii prepodavatelei angliiskoi literatury* [English literature in European cultural context: the Xth international annual workshop of Russian association of English literature teachers]. Nizhny Novgorod, 2000, 29 p.

7. Byron G.G. *Darkness* (Russ. ed.: Bajron Dzh.-G. *T'ma*. Russkaya mysl' Publ., 1887, V.1, 403 p.)

8. Mikhalovskii D.L. Solntse nespiashchikh [The sun of the sleepless]. *Nashe vremia – Our times*, 1893, no.10 (March), pp. 104.

9. Mikhalovskii D.L. Saul, iz Bairona [Saul, from Byron]. *Modnyj magazin – Fashion shop*, 1864, no.7, pp. 103.

10. Mikhalovskii D.L. Porazhenie Sennakherima [The destruction of Sennacherib]. *Ezhenedel'noe illiustrirovannoe prilozhenie k «Synu otechestva – Illustrated weekly supplement to «Motherland sons»*, 1894, no.8 (Febr.), pp. 23.

11. Byron G.G. *The last poem of Byron. Foreign poets translated by Mikhalovskiy and his original poems* (Russ. ed.: *Bairon Dzh.-G. Poslednee stikhotvorenie Bairaona. Inostrannye poehty v perevodakh i original'nye stikhotvoreniya D.L. Mikhalovskogo: V 2 t.* Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1896, V.1, 567 p.).

12. *Inostrannye poehty v perevodakh i original'nye stikhotvoreniya D.L. Mikhalovskogo: V 2 t.* [Foreign poets translated by Mikhalovskiy and his original poems: 2 volumes]. Saint-Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1896, V.2, 418 p.

Информация об авторах

Крехтунова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, библиотечарь, научно-техническая библиотека, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Россия, e-mail: mizuori@mail.ru.

Замотина Евгения Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Россия, e-mail: e.i.zamotina@mail.ru.

Authors

Krekhtunova Elena Viktorovna – Candidate of philological sciences, Librarian, Scientific and Technical Library, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russia, e-mail: mizuori@mail.ru.

Zamotina Evgeniya Igorevna – Candidate of philological sciences, associate professor, department of English Language, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russia, e-mail: e.i.zamotina@mail.ru.